

ЕКАТЕРИНА САМУСЕНКО

ФРАНЦИЯ ДЛЯ ЧАЙНИКОВ

*...ЧЕМОДАНОВ, ВЕЛОСИПЕДОВ И
ПОЧТОВЫХ МАРОК*

Екатерина Самусенко

**Франция для чайников...
чемоданов, велосипедов
и почтовых марок**

«Автор»

2023

Самусенко Е.

Франция для чайников... чемоданов, велосипедов и почтовых марок / Е. Самусенко — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-90850-5

Что если бы ваш багаж умел говорить? Вряд ли его впечатления от поездки совпали бы с вашими. Очень субъективная повесть о нешаблонной, но вместе с тем чарующей Франции без круассанов, изысканного вина и лавандовых полей.

ISBN 978-5-532-90850-5

© Самусенко Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
1. Чемодан	6
2. Рюкзак	10
3. Блокнот	12
4. Ватман	14
5. Раковина и камень	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Екатерина Самусенко

Франция для чайников... чемоданов, велосипедов и почтовых марок

Предисловие

Настоящей француженке – по крайней мере той, что показывают в рекламе парфюмерии или шоколада, – для путешествия нужно всего ничего: берет, винтажный фотоаппарат и крохотная сумочка, куда поместится только посадочный талон.

О таких путешествиях я ничего не знаю. В те два семестра, что я провела на стажировках во французских университетах, я носилась от Нормандии до Альп в сопровождении чемоданов, рюкзаков и даже зонтика по имени Франсуа. И поскольку большую часть поездок я проделала в одиночку, то именно эти вещи пережили вместе со мной массу восхитительных и позорных, возвышенных и дурацких происшествий.

Я с удовольствием предоставила бы им слово, если бы не боялась, что за все пережитое они покроют меня трехэтажной бранью.

Итак, мне придется пересказать все самостоятельно.

1. Чемодан

Наверное, каждый путешественник знает, что такое бочка Дианад. В свое время несчастные гречанки Данаиды были обречены вечно лить воду в бочку, которая чудесным образом опустошалась сама собой. Эффект же Дианад – то есть Данаид наоборот – проявляется, когда ты, собираясь в дорогу, скрепя сердце вытаскиваешь из чемодана очередную вещь, а он с каждым разом вмещает в себя все меньше и меньше.

Во время пребывания во Франции мой чемодан, судя по всему, сел на диету и решительно отказался вмещать даже часть тех вещей, которые я в нем привезла. Не помогли ни увещевания, ни расстегнутая потайная молния, призванная увеличить его объем, – чемодан успокоился и согласился пойти на переговоры лишь после того, как в него поместили бутылку нормандского сидра, бережно завернутую в колготки.

Определенно, за шесть лет его характер испортился. Еще в 2016 году я почти случайно купила модный красный чемодан в Петербурге – тогда мне срочно нужно было перевезти домой припасенные на полгода вещи, в том числе восьмисотстраничную книгу «Старый Петербург» (что вы хотите, я ведь ехала поступать на филфак!). В то далекое время мой чемодан еще воспринимал такие авантюры с энтузиазмом, но теперь, отгремев десятки километров по брусчатке французских *centre-ville*¹, он скрипел выдвижной ручкой и прихрамывал на одно колесо даже на ровном асфальте.

Расставаться со старичком было жаль, да и покупка нового чемодана влетела бы мне в копейку. А ведь нас с ним ожидало настоящее приключение: нам нужно было выехать из канского² общежития в Париж, а через пару дней отправиться домой через Хельсинки. В конце концов я пошла на компромисс и отправила часть вещей посылкой, а еще часть решила раздать другим студентам.

Если ты не Диоген, то за четыре месяца проживания в общежитии ты незаметно обзаведешься целым хозяйством – чайником, пледом, постельными принадлежностями и прочими жизненно необходимыми вещами вроде диско-шара. (Я не преувеличиваю: первым, что я увидела при заезде в общежитие, был висящий под потолком одинокий диско-шар; правда, это было не в Кане, а в Петербурге!) Что-то из этого я упаковала в посылку, что-то отнесла в общий шкаф на первом этаже. И шкаф не подвел: едва я положила туда одеяло и подушку и отошла на пару минут, их немедленно и след простыл – не иначе как перенеслись в Нарнию отогревать ее обитателей от вечной зимы.

Наконец, собрав в отдельный пакет соусы, приправы и крупы, которые мне не хотелось выбрасывать, я позвонила своей подруге из Польши, жившей в том же общежитии. Она должна была выезжать вместе со мной, но заболела в самый разгар сессии и осталась на пересдачу.

– Хорошо, я все это заберу, – согласилась Богумила, – но тогда и ты, пожалуйста, тоже возьми кое-что на память.

Я радостно согласилась (еще бы, такая возможность освободить руки!) и немедленно побежала на два этажа вверх.

На пороге комнаты Богумилы у меня потемнело в глазах: подруга радостно протягивала мне пакет еще большего размера. Внутри оказались коробки с печеньями макарон, россыпь шоколадных пасхальных яиц и какие-то конфеты с нечитаемыми польскими надписями. Вершиной всего был огромный постер с образцом нормандского юмора: на нем была карта Франции, где над всей страной шел дождь и только над Каном и Руаном оптимистично сияло солнце.

¹ Центральных кварталов города (фр.)

² Кан (Caen) – город в Нормандии на севере Франции. Неопытные путешественники часто путают его с Каннами (Cannes) на Лазурном берегу.

Обидеть Богумилу и отказаться от подарка я бы не посмела, хотя чемодан при виде всего этого безобразия немедленно издал угрожающий скрип. Так я, словно в мечтах восьмилетней девочки, отправилась в Париж с чемоданом, рюкзаком, сумкой и огромным пакетом сладостей...

Следующие два дня чемодан спокойно почивал под столом в парижской гостинице, готовясь к трансферу в аэропорт. На этот раз я решила сэкономить и не вылетать из знаменитого Шарль-де-Голля (билеты из него стоили от ста евро), а купить билет на бюджетный рейс из небольшого аэропорта Бове. Только через некоторое время мне пришло в голову проверить, как же туда добираться. Выяснилось, что аэропорт расположен в семидесяти километрах от Парижа, гораздо ближе к городу Амьен³, но даже с учетом доплаты за трансфер и багаж билет оттуда оказался существенно дешевле.

За месяц до того нелегкая уже заносила меня в окрестности Амьена – тогда мы с группой иностранных студентов, возвращаясь из поездки в Амстердам и Брюссель, застряли поздно ночью где-то на просторах О-де-Франс. В это время у водителя нашего автобуса закончилась смена, и ему нужно было поспать полтора часа, которые мы провели на одинокой автозаправке *au milieu de nulle part*⁴. К сожалению, мое знакомство с бельгийской кухней ограничилось знаменитой картошкой фри и каким-то незначительным перекусом с утра, так что на подъезде к Амьену я страшно злилась на свою бестолковость: это же надо было не взять с собой в автобус ни одной бельгийской шоколадки! Есть хотелось так сильно, что я потратила в местном буфете невероятную сумму в двенадцать евро на крошечный несъедобный бургер (если бы эту кафешку оценивал Мишлен, он несомненно дал бы ей все три звезды – еще бы, готовят бургеры из такой хорошей резины!⁵). В общем и целом, не видев ни воспетого Прустом Амьенского собора, ни музея Жюль Верна, я чувствовала, что ничего хорошего под Амьеном меня не ждет.

Трансфер в аэропорт Бове отходил от площади Порт-Майо. После дня прогулок по Парижу я вернулась в отель за своим багажом и спустилась в метро, а вернее, в подземную электричку RER. Там шел очередной ремонт, из-за чего я, сама не понимая как, проехала мимо нужной станции и оказалась на знаменитой площади Звезды. В обратную сторону поезда не ходили, единственный заменяющий автобус подъехал забитым вплотную, и я, подхватив весь свой багаж, бросилась бегом вдоль проспекта Великой армии (повезло, что туристов в этом месте было немного!).

Едва приехав в Париж, я почувствовала, как по всему городу мечется потревоженный дух барона Османа⁶. Перед будущей Олимпиадой на ремонт закрыли практически все: Эйфелеву башню решили перекрасить, Большой дворец стоял весь в лесах, к многострадальному Нотр-Даму было не подойти, а древнеегипетский Луксорский обелиск на площади Согласия, который до тех пор неплохо себя чувствовал лет тысячи так три, загородили со всех сторон параллелепипедом с надписью: «Министерство культуры». Площадь Порт-Майо не стала исключением: как раз к моему приезду там решили прорыть очередную ветку RER, и все пространство на поверхности превратилось в великолепный образец садово-паркового искусства первой четверти XXI века – запутанный лабиринт.

Я вбежала на станцию метро «Порт-Майо» за семь минут до отбытия автобуса. О счастье – несмотря на Первое мая, окошко кассира было открыто, и у него толпилась группа туристов,

³ Амьен (Amiens) – город на севере Франции в регионе О-де-Франс.

⁴ Неизвестно где, у черта на куличках (фр.)

⁵ Иронично, что знаменитый гид «Мишлен», присваивающий звезды лучшим ресторанам, непосредственно связан с производством автомобильных покрышек.

⁶ Барон Жорж Эжен Осман – французский государственный деятель середины XIX века, устроивший масштабную перепланировку Парижа.

которые из-за ремонта не смогли добраться до Триумфальной арки. Кассир долго спорил с ними, затем махнул рукой и собрался было уходить, но тут выскочила я:

– Умоляю, только один вопрос! Где трансфер в аэропорт Бове?

– На улице! – не по-французски неучтиво огрызнулся кассир, вынужденный отвечать на глупые вопросы в свой законный выходной – День труда, и опустил жалюзи.

И в самом деле, на выходе из метро я увидела указатель, направленный в противоположную сторону площади...

Я нажала на кнопку выдвигания ручки, собираясь рвануться с места, но мой чемодан окончательно решил увидеть Париж и умереть – ручка выдвинулась только наполовину и заклинила в таком положении. Делать было нечего, и я побежала между заборами в полупригороде, волоча своего спутника за собой. (Если бы это видели мои преподаватели физкультуры, зачет за все три года мне был бы обеспечен!)

Когда я наконец забросила чемодан в багажное отделение автобуса и уселась у окна, моему счастью не было границ. Как же хорошо, что я успела на последний рейс шаттла! Поскольку самолет вылетал только в 6:30 утра, мне предстояла ночь в аэропорту, но это явно было лучше, чем блуждание по лабиринту Порт-Майо в три часа ночи, когда отправлялся следующий шаттл.

Автобус летел по трассе в закат, а вокруг в лучших традициях фильмов-катастроф постепенно сгущались сумерки.

Аэропорт оказался небольшой бетонной коробкой, внутри которой ютились два рестораника, десяток стоек регистрации, несколько рядов стульев и пункт обмена валют. С видом Луи-Филиппа в изгнании⁷ я обошла аэропорт в поисках специального зала для VIP-пассажиров, но ничего не нашла (чтобы взять в салон две сумки, я впервые в жизни купила билет первого класса и чувствовала, что все должны обращаться ко мне не просто «Madame», а по крайней мере «Votre Altesse»⁸). Ничего не поделаешь – я перекусила в кафе и уселась в зале ожидания для простых смертных.

Где-то через пару часов по залу прошел охранник:

– Аэропорт закрывается! Аэропорт закрывается!

Я мгновенно очнулась от наступавшей дремоты и вскочила:

– Как? Что случилось?

– Аэропорт закрывается до шести утра. Все на выход, пожалуйста.

Оказалось, что жителям ближайшей деревеньки Тийе так не нравилось, что взлетающие самолеты не дают спать их курочкам и поросятам, что они – жители, а не поросята – потребовали, чтобы аэропорт закрывали на ночь.

– А где же мне ночевать? Здесь есть гостиница?

– Вам повезло, в прошлом году построили. Тут недалеко, меньше километра.

... Чемодан гремел по брусчатке не хуже двигателя Боинга, так что беспокойным жителям деревни Тийе, вероятно, поспать так и не удалось. Вокруг собиралась буря – дождя не было, но ветер дул так, будто знаменитый мистраль⁹ устал от работы в Провансе и решил махнуть на каникулы на север Франции. По законам жанра дорога проходила мимо старого кладбища, но в его сторону я старалась лишней раз не поглядывать. Заветная вывеска в конце пути приближалась слишком медленно...

– Добрый вечер, мне один номер, пожалуйста.

– Добрый вечер. Восемьдесят евро.

⁷ Король Франции, свергнутый в 1848 году и отправившийся в ссылку в Лондон.

⁸ Ваше высочество (фр.)

⁹ Сильный ветер, дующий в Провансе на юго-востоке Франции.

Вот так экономия!.. За эти деньги в сумме со стоимостью билета и багажа я спокойно могла бы улететь из цивилизованного Шарль-де-Голля без всяких трансферов, беготни и ночевок непонятно где... но ведь так было бы неинтересно, правда?

Я выложила на стойку паспорт и сто евро наличными и уселась на диване, расставив вокруг себя свой багаж.

– А где же ваша карта?

– Моя банковская карта не работает, у меня есть только наличные.

– Но тогда я не смогу вас поселить: мне нужно забронировать средства на вашем счете.

– Давайте я оставлю у вас паспорт или ноутбук, такая бронь подойдет?

– Нет, так не положено.

За окном свистел ветер. Я судорожно листала онлайн-карту на телефоне: поблизости ничего нет... до рейса шесть часов... говорят, что один член Французской академии, русский эмигрант, в молодости жил на парижском кладбище¹⁰, так может быть, и мне переночевать в каком-нибудь уютном склепе по соседству?..

Чемодан жался к ноге, как собака, которую в холодную ночь выгоняют из дома.

Видя мои страдания, администратор смягчился:

– Ладно, давайте сюда вашу российскую карту, я попробую что-нибудь сделать.

И – словно голос с небес!

– Вот ваша карта и сдача. Ваш номер 307, приятного отдыха.

Очевидно, администратору просто стало жаль меня, и он как-то обошел требования системы, потому что на моем российском счете он ничего забронировать не мог. Но в тот момент в моей голове не промелькнуло даже тени этой мысли, потому что я в несколько прыжков вместе со всем своим багажом воспарила на четвертый (третий по-здешнему) этаж.

...Через десять часов, снимая чемодан с багажной ленты в Хельсинки, я по привычке нажала на кнопку выдвижения ручки и ошоломелась: ручка выдвинулась до конца, как ни в чем не бывало! Колеса скользили по полу аэропорта, будто новые.

Раз чемодану не удалось умереть в Париже, то заканчивать свои дни в Финляндии он, по-видимому, не собирался.

Я улыбнулась, закинула рюкзак на плечо и покатила чемодан за собой.

¹⁰ Легенда связана с биографией Андре Макина.

2. Рюкзак

Огромный зеленый рюкзак с оранжевой каемкой съездил со мной на полторы французских стажировки и в бесчисленное количество более мелких поездок. Страшно подумать, что в мои руки он попал уже пожившим и готовым выйти на пенсию.

Когда в преддверии осенних каникул в Гренобльском университете¹¹ (представляете, у французских студентов есть каникулы весной и осенью!) мы с подругой Полиной готовились к большой поездке на север Франции, во мне внезапно заговорила совесть: как же так, я буду отдыхать на каникулах? Прямо-таки отдыхать? А как же диплом?

– Ну возьми с собой ноут, поработаешь в свободное время, – предложила Поля.

– Да я не хочу таскаться еще с одной сумкой!

– Зачем тебе две сумки? Возьми рюкзак, в него все поместится. Вот, держи, – Поля полезла куда-то на антресоли и вытащила оттуда помятый, но вроде бы целый и вместительный рюкзак. – Бери, я себе новый купила, а этот собралась выбрасывать, потому и убрала.

Пару недель спустя в невесть сколько часов утра мы уже ехали в поезде Кан-Понторсон. В окне под серым небом мелькали сочные зеленые поля, между которыми изредка проносились нормандские деревушки с одинокими колокольнями. Поля спала, а я стучала по клавишам ноутбука, расшифровывая франкоязычные интервью. Напротив на свободном сиденье стоял рюкзак, философски глядя двумя прорезями кармана на совершенно плоский горизонт. Я тоже поглядывала в окно, стремясь первой различить знаменитый силуэт Мон-Сен-Мишеля¹², напоминающий одновременно Хогвартс и Диснейленд.

Рюкзак уже успел промокнуть под бесконечным нормандским дождем и забиться сувенирами с изображением Руанского собора, изящных утесов Этрета, особняков Довиля и базилики Лизьё. В Кане, к сожалению, мы ничего не купили и почти ничего не увидели, потому что приехали в город уже под вечер, а выехали из него в шесть часов утра. Кто же тогда знал, что через год мы с рюкзаком снова приедем в Кан и останемся там на целый семестр!..

...В Канском университете мне повезло учиться вместе с группой киноведов, которым задали снять короткометражный фильм по стихотворению из хрестоматии. После долгих споров ребята остановились на стихотворении сюрреалиста Андре Бретона «Подсолнух», и я, к стыду своему, не оценила их выбор по достоинству. Речь там шла о путешественнице, которая гуляла по Парижу, а вокруг нее творились всякие чудеса: звенели колокольчики, разговаривали сверчки и гуляли привидения. На очередной встрече съемочной группы я вздыхала, ожидая, что мне в лучшем случае дадут роль третьего сверчка в пятом ряду, когда режиссер вдруг спросил меня:

– Хочешь сыграть главную роль?

– Да!!!

– Смотри, если ты играешь путешественницу, то тебе надо будет одеться по-походному. Куртка, джинсы, кроссовки... Найдешь?

– Найду. А еще, – я решила зайти с козырей, – у меня есть рюкзак.

– Отлично, бери его!

Через месяц я отправила готовый фильм Поле, не удержавшись от того, чтобы не поддразнить ее:

– Ни за что не угадаешь, кто здесь играет в двух главных ролях!..

¹¹ Гренобль – город в юго-восточной части Франции, расположенный у подножия Альп.

¹² Мон-Сен-Мишель – средневековое аббатство на крошечном скалистом острове посреди бухты Сен-Мишель, знаменитой своими масштабными приливами и отливами.

В некоторых сценах рюкзак, сияющий от осознания своей пользы для общества, выглядел даже лучше меня.

3. Блокнот

– Для начала – общий план: поезд прибывает на перрон. Средний план: путешественница выходит из вагона и беспокойно озирается. Дальше крупным планом, но слегка снизу, ее лицо, пока она спускается в подземный переход...

Я быстро записывала за Томом: *plan d'ensemble, plan serré, contre-plongée*¹³. Пока что толку от меня было немного, поскольку в кино я не понимала ровно ничего, но все эти термины могли пригодиться мне потом в каком-нибудь переводе.

– Нам нужен реквизит для перехода из реального мира в фантастический, – заметила Аксель. – Давайте путешественница найдет на скамейке блокнот, начнет его листать и провалится в сон.

– Давайте, – поспешно согласилась я и вынула из рюкзака пустой блокнот: я покупала его не для съемок, но не могла упустить возможность хоть как-то пригодиться ребятам. (Тем более, итоговая оценка за работу выставлялась с учетом отзывов съемочной группы о каждом участнике, и мне нужно было себя зарекомендовать!)

Блокнот был тщательно проинспектирован и одобрен – сначала заместителем режиссера Аксель, а затем и самим режиссером Томом. На страницах сразу начали появляться зарисовки будущих сцен.

...Излишне говорить, что в первый день съемок Аксель – творческая личность! – забыла блокнот дома, и за ним пришлось возвращаться. Из-за задержки старта мы не уложились в расписание и бегали с перрона на перрон, чтобы поймать хоть какой-нибудь прибывающий поезд. И все же то свет падал неправильно, то на перроне было слишком многолюдно – в общем, заместитель режиссера, она же оператор, никак не могла поймать идеальный ракурс, а Том, сидя на парах, писал нам, что мы все делаем неправильно.

Решили переключиться на съемки моего спуска в подземный переход. И снова все было не так, как задумано – то у меня было недостаточно напуганное выражение лица, то возникли посторонние люди и все портили... В конце концов мы образовали удивительную группу, достойную изображения на картине Брейгеля «Слепые»: я медленно спускаюсь по лестнице, тревожно озираясь вокруг; передо мной пятится оператор, которого сзади придерживает мальчик с кинохлопушкой, а в самом низу стоит еще один член съемочной группы и отгоняет случайных прохожих.

На пятом дубле Аксель радостно крикнула «Снято!» и тут же грохнулась с предпоследней ступеньки: мальчик с хлопушкой решил, что его работа выполнена, и отошел в сторону.

Через три дня можно было подумать, что наша группа снимала не сюрреалистический триллер, а боевик с гонками и рукопашными боями: Аксель ковыляла на костылях с забинтованной ногой, я набила шишку о скамейку, раз за разом выразительно проваливаясь в сон после прочтения заколдованного блокнота, а Том посадил голос от криков на всю площадку. Оставалась последняя сцена: главная героиня с развевающимися волосами стояла в темной комнате под светом единственного прожектора, а на нее сверху падали листки того самого блокнота (их разбрасывали двое ребят, взгромоздившиеся на стол, а еще один наш одноклассник лежал на полу и держал перед собой фен, чтобы листки падали медленнее и красиво кружились).

– Вот что я вам скажу: если наш фильм не попадет на Каннский фестиваль, то у современного кинематографа нет будущего, – заявила я после съемок, когда мы обессиленно лежали по креслам и диванам.

– Не Каннский, а Канский, – поправила меня Аксель. – Все просто обалдеют.

¹³ общий план, крупный план, съемка снизу (фр.)

И правда: в этот момент в комнату вошли родители одноклассника, в доме которого мы проводили съемки, и остолбенели.

4. Ватман

Как можно догадаться, курс литературы для киноведов я выбрала совершенно случайно: дело в том, что на сайте Канского университета не было описания учебных программ, и мне при составлении учебного плана приходилось ориентироваться только на названия предметов и количество зачетных единиц. Правда, в остальных случаях выбирать было намного проще: две пары перевода в самом деле оказались переводом с русского на французский и обратно; на двух теоретических дисциплинах было много грамматики, сложных схем и текстов Золя и Бальзака; ну а анализ рекламы вел очаровательный месье Дидье, который показывал нам самые сумасшедшие рекламные ролики и до того сногшибательно шутил, что я едва не влюбилась в него (а потом, когда ношение масок отменили, не узнала его на паре и страшно удивилась).

Был и еще один курс с многообещающим названием «Франкофония». На первой же паре преподавательница из Норвегии объявила, что задумала небольшую лингвистическую конференцию, и стала приглашать всех принять участие в сессии постерных докладов. Я переглянулась с соседкой по парте, и после занятия мы договорились подготовить доклад вместе. Этой соседкой и была Богумила, впоследствии одарившая меня всякой вкуснятиной перед выездом из общежития.

У нас были наполеоновские планы: нам предстояло составить анкету о трудностях общения на иностранном языке и опросить по ней пару десятков иностранных студентов. Я взяла на себя составление опросника и анализ результатов, а Богумила – поиски участников исследования (она изучала французский не так давно и занималась на языковых курсах, где и собиралась искать наших жертв). Когда анализ данных был почти завершен, Богумила радостно притащила еще одну пачку анкет – тогда я поняла, что, если я выживу и доведу исследование до ума, наш доклад непременно станет гвоздем программы.

Готовая работа заняла не меньше шести страниц. Мы с Богумилой долго спорили, будем ли мы рисовать плакат от руки или же склеим между собой несколько листов А4; однако, едва закончив исследование, я осознала, что нам необходимо печатать постер на ватмане.

Утром дня Д мы бежали из копировальной фирмы в университет: я – осторожно придерживая скрученный ватман, чтобы он не помялся, Богумила – так же бережно держа надо мной (или скорее над ватманом!) зонтик.

– Готово? – встретила нас мадам Нильсен. – Отлично! Вот вам скотч, приклейте ваш постер вот сюда. Если не торопитесь, можете выпить кофе.

И немедленно унеслась встречать почетного гостя.

Почетным гостем оказался профессор из Реннского¹⁴ университета, с которым мы тут же завязали светский треп о том, как непросто добираться из Бретани в Нормандию, до чего удобное в Ренне метро и как много там кофеен со специальными ценниками для студентов. Позже, когда началась сессия постерных докладов, профессор долго стоял у нашего ватмана и восклицал: «Да это же настоящее научное исследование!». Мы с Богумилой очень волновались, но отбились от всех вопросов; мадам Нильсен бегала мимо нас с видом именинницы.

– Девочки, вы большие молодцы! – объявила она по завершении конференции. – Давайте я сфотографирую вас для соцсетей нашей кафедры. Плакат вам не нужен?

Мы переглянулись – ни я, ни Богумила не хотели снова таскаться с ним под дождем.

– Отлично, тогда я заберу его для истории, – попытожила мадам Нильсен, скрутила ватман в трубку и убежала.

¹⁴ Ренн, или же Рен (Rennes) – город в Бретани, на северо-западе Франции. Между Ренном и Каном около 200 км на автомобиле.

...В конце семестра, когда выяснилось, что участие в конференции никак не влияло на итоговую оценку по франкофонии, я слегка разволновалась. На контрольной мадам Нильсен показала себя настоящей дочерью викингов, поставив большей части группы оценки, которые в России приравняли бы к тройке с плюсом.

– Можно хотя бы получить подтверждение участия в конференции?

– Конечно!

И преподавательница пустила по рядам простые листочки А4 без печатей: «Настоящим удостоверяется, что такой-то такой-то выступил с постерным докладом в Канском университете. К. Нильсен».

Через пару дней мадам Нильсен вернулась в Осло, а мы с Богумилой остались у разбитого корыта: без постера, без сертификата, без фотографий в соцсетях кафедры и с тройками по предмету, к которому готовились усерднее всего.

Пришлось подключать реннского профессора и публиковать наш доклад в российском научном сборнике, но это уже совсем другая история...

5. Раковина и камень

Как приятно бывает ощущение усталого, но довольного бездумья, которое наполняет тебя прохладным вечером в салоне автобуса где-нибудь на альпийском серпантине или в нормандских полях!

Но я безнадежный человек, и едва оказываясь в таком положении, сразу начинала донимать себя упреками: а как же диплом? Что мне предьявлять по возвращении в Россию?

Я вздыхала и ехала дальше, все так же ничего не делая.

Однако под конец канской стажировки у меня все же возникла идея компромисса с совестью: поскольку в моем дипломе шла речь в том числе об импрессионистах, я решила устроить мини-тур по самым живописным местам, которые писали эти художники. Предполагалось, что нежные оттенки волн Ла-Манша на закате и невесомые облака в перерывах между дождем и ливнем окажут на меня такое *впечатление*, что я тут же брошусь писатьopus на семьдесят страниц с введением, актуальностью и заключением.

Что ни говори, к дождю я уже успела привыкнуть, а вот к близости моря – еще нет. И в самом деле, вслед за местными жителями я постепенно привыкла считать морем Ла-Манш, который в России принято называть проливом, а в Великобритании и вовсе каналом. Эта трансформация не прошла гладко: до тех пор море ассоциировалось у меня со следами ила на нагретом песке, криками торговцев восточными сладостями, восторженными воплями малышей в надувных кругах и запруженным пляжем, на котором негде упасть яблоку. Поэтому, когда я впервые приехала на пляж Уистреама, мне было очень непривычно бродить по нему в полном одиночестве, да еще и одетой в куртку – дело было шестого января. Наконец, победив неловкость, я сошла с деревянного настила и побежала по мокрому песку, собирая самые красивые ракушки (неслучайно этот участок побережья по аналогии со знаменитым Лазурным берегом называется Côte de Nacre¹⁵

¹⁵ Перламутровый берег (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.